

Н. К. Гарбовский

КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ, ТЕКСТЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Современное образование в очередной раз оказывается на пути серьезной трансформации. Пересматривается сама образовательная модель, ставятся под сомнение, казалось бы, весьма эффективные глобалистские образовательные модели, заимствованные в западном мире и предполагавшие высокую международную академическую мобильность преподавателей и студентов. Смещается акцент в сторону образовательных стратегий, позволяющих не только обеспечить устойчивую технологическую независимость нашего государства, но и совершить новый прорыв в области наук и технологий. Разрабатывается новая «Стратегия развития системы образования В Российской Федерации», определяющая цели, задачи и приоритеты развития системы образования в Российской Федерации до 2036 г. и ее перспективу до 2042 г.

Среди вызовов для страны и системы образования первостепенными оказываются сегодня трансформация миропорядка и ценностная война против России, вызывающие необходимость принятия соответствующих мер гуманитарного порядка.

В современном мире формирование, защита и укрепление в сознании людей ценностей происходит главным образом за счет окружающих нас в информационном пространстве текстов. Именно тексты составляют основу гуманитарного знания. «Текст реализуется как особая форма общения между людьми, в котором в конкретно-историческом виде фиксируется культура человечества в целом и в ее конкретных вариантах. Таким образом, **культуру** можно рассматривать как знаковую систему, как **Текст** с большой буквы» (Миронов, 2008, 21).

Тексты оказывают воспитательное влияние на человека, как положительное, так и отрицательное, даже независимо от того, осознает ли автор их воспитательное значение. Особое внимание к окружающим нас текстам требуется в условиях «ценностной войны», когда специально создаются и распространяются практически без всяких ограничений тексты, прославляющие, явно или скрытно, неприемлемые для большинства членов нашего общества ценности, побуждают к порицаемым большинством общества действиям и поступкам, дают искаженное представление картины мира, ложную трактовку исторических фактов. Такие тексты могут критически оцениваться подготовленными людьми с достаточно хорошо сформированным мировоззрением, но, как справедливо отмечал Н. Д. Никандров, «если же речь идет о детях и молодежи с их весьма пластичной психикой, то воспитательное влияние преобладающих в их типичном окружении ценностей и текстов, как правило, является определяющим» (Никандров, 2025, 240).

На основе проведенного анализа содержания текстов, окружающих человека в современной России с начала 90-х годов, Никандрову удалось составить некий перечень достаточно типичных идеологических посылов, выражающих и символизирующих ценности, которые, по словам автора, «мешают нам жить» (там же, 247). В этот список вошли такие сентенции, как: негатив и зло в мире преобладают над добром; наш мир есть мир насилия; сексуальный инстинкт – основа всего; культ «красивой жизни» и богатства; рынок правит миром; конкуренция и соревнование – естественны, а взаимопомощь и альтруизм – исключение; российские власти коррумпированы; уровень развития России крайне низок и др. Автор называет и средства идеологического воздействия – негатив в информационных сообщениях, натуралистическое представление событий, соответствующий подбор сюжетов и пр. В современном обществе отмеченные Никандровым риски меньше, чем в 1990-х годах, но, как

справедливо отмечал ученый, «эти риски есть, и рассчитывать на то, что они сами собой исчезнут нельзя» (там же, 250).

Показательным в этом отношении является социологическое исследование «Социокультурный портрет современного студента педагогического ВУЗа», проведенное группой ученых лаборатории социологических исследований в образовании Центра развития образования РАО под руководством академика РАО В.С. Собкина. В опросе приняли участие 3855 студентов педагогических ВУЗов и студентов педагогических специальностей педагогических и классических университетов 25 различных субъектов РФ. Данные исследования, представленные В.С. Собкиным¹ на заседании бюро отделения образования и культуры РАО, показали иерархию жизненных ценностей студентов, которым был предложен закрытый вопрос «Какие жизненные ценности являются для Вас наиболее значимыми?». Студенты имели возможность выбрать из 22 предложенных вариантов ответов не более пяти, которые соответствовали бы наиболее значимым для них жизненным ценностям.

Данные мониторингового анонимного анкетного опроса показали, что в структуре жизненных ценностей современных студентов доминирующие позиции занимают «хорошее здоровье» и «семья». Эти ценности оказались значимыми почти для трех четвертей опрошенных. На третьей позиции разместилось «материальное благополучие». «Любовь (духовная и физическая близость)» и «дружба», т. е. ценности позитивных межличностных отношений, оказались важны почти для половины опрошенных. «Следующими по значимости выступают ценности «свободы, независимости, самостоятельности» и «внутренней гармонии», – они значимы для каждого третьего студента. За ними следует блок ценностей,

¹ Данные исследования публикуются с любезного разрешения руководителя исследования академика РАО В.С. Собкина.

связанных с саморазвитием и самореализацией: «познание, расширение кругозора», «развитие своего творческого потенциала и способностей», «жизненная мудрость и опыт», «активная деятельная жизнь». Эти ценности важны для каждого четвертого – каждого пятого студента. Далее в порядке убывания следуют «красота, эстетические переживания» (17,3%) и «воспитание детей» (16,0%)» (из доклада В. С. Собкина).

«В целом, – отмечается в докладе, – полученная иерархия указывает на общее социальное благополучие студентов. При этом своеобразие их ценностных ориентаций характеризуется высокой значимостью «любви» и «дружбы» (там же).

Однако некоторые данные о ценностных ориентирах студентов педагогических вузов, т. е. завтрашних учителей, вызывают обеспокоенность. Такие ценности, как: «патриотизм», «счастье других», «участие в культурной жизни», «общественная деятельность», «религия», «успешная научная деятельность», и «политическая активность» оказываются существенно менее значимы для студентов и занимают последние места в рейтинге. Это может быть свидетельством сложившегося в сознании молодого человека индивидуализма, и как следствия безразличия к благополучию и счастью других, внешней для него культурной и общественной жизни под воздействием факторов, оказавших влияние на формирование личности еще в период детства. Среди этих факторов именно тексты имеют первостепенное значение.

В 2024 г. группа экспертов Союза писателей России провела тщательный анализ текстов детской литературы на русском языке и выявила настораживающие тенденции: более половины (около 60%) книг содержат послы, формирующие скорее антиценности, нежели ценности, характерные не только для российской. Но и всемирной универсальной культуры: предательство и разобщенность вместо сплоченности и взаимовыручки; уподобление животному, сведение человеческой природы

к животным инстинктам вместо духовности; изменение социальных ролей мужчин и женщин и отрицание семейных ценностей; отклонения как норма и отсутствие ориентиров для самосовершенствования; безразличие к будущему. Об этом исследовании рассказали в соцсетях председатель Совета по детской книге Союза писателей России Н. В. Нилов и историк Г. Артамонов (см. https://vk.com/wall-170330544_327291).

Можно предположить, что приобретающая угрожающий размах субкультура – квадробинг – превратившаяся из игры в форму девиантного поведения детей не только под воздействием соцсетей и Интернета, но и некоторых текстов детской художественной литературы.

Тексты художественной литературы всегда были и остаются серьезным оружием воздействия на сознание человека, формирования его мировоззрения. Отрицательному влиянию способствует насыщенность текстов лексикой, несущей негативно-эмоциональную информацию и, соответственно, их бедность в лексике положительной эмоциональной окрашенности.

В этой связи особенно интересным для понимания связи языка и мышления, языка и морали представляется интервью данное, Д. С. Лихачевым, в 1996 г., о котором вспоминает А. С. Запесоцкий: «Слова исчезли вместе с явлениями, – заявлял ученый. Часто ли мы слышим “милосердие”, “доброжелательность”? Этого нет в жизни, поэтому и нет в языке» (Запесоцкий, 2022, 129). В самом деле тексты строятся на материале тех понятий, которые доминируют в сознании. Но не всегда слова, составляющие тексты, отражают именно то, что в жизни есть, нередко за словами стоят желания и чаяния людей, их представления о том, как должно или могло бы быть, а не то, как есть на самом деле.

Современная корпусная лингвистика позволяет проследить динамику употребления тех или иных языковых средств (в нашем случае, лексем), закрепленных за понятиями, содержанием которых являются ценностные

категории. Лихачев в приведенном выше фрагменте интервью помимо *милосердия* и *доброжелательности*, называл также *порядочность*, *любезность*, *воспитанность*. Обращение к статистическим данным «Национального корпуса русского языка» дает интересный материал для сравнения и размышления. Частотность всех этих слов действительно значительно снижается к началу XX в.

Так, динамика появления в текстах слова *милосердие* оказалась чрезвычайно подвижной. По материалам НКРЯ появление этого слова в русских текстах можно отнести к концу XVII в. В конце первой четверти XVIII в. его частотность резко возрастает, а затем также стремительно падает и с середины XIX в. до наших дней колеблется с незначительными изменениями в среднем на уровне 30-40 единиц на миллион словоупотреблений. Слово встречается главным образом в устойчивом словосочетании *сестра* (реже, *брат*) *милосердия*.

В XX в. незначительные пики подъема частотности отмечаются в 1922, 1933, 1945, 1991, 2017 гг.

Первый пик приходится на 1922 г. Если сопоставить эту статистику с фактами политической и культурной истории, то можно обратить внимание на то, что в 1922 г. не только образовывается СССР, но и принимается первый Уголовный кодекс молодой страны, во время подготовки которого в мае 1922 года Ленин писал наркому юстиции Курскому, что нельзя устранять террор, а следует его «обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (см.: Это был 1922 год...),. Иначе говоря, террор приобретал законный характер. Изучение текстов, содержащих слово *милосердие* и вышедших в свет в том году, показывает, что более половины из них входят в состав словосочетания «сестра (брат) милосердия (39/64), т.е. не несут на себе ценностную нагрузку. То касается остальных примеров, то они весьма красноречиво говорят о том, что понятие *милосердия* как духовной ценности скорее возникает как нечто

желаемое, не свойственное обществу того периода, никак не являющее собой ценностный ориентир. Ярким примером морально-ценностного климата того времени служит фрагмент из дневников З. Н. Гиппиус: «Совесть их еще не просыпалась, ни проблеска сознания нет, одни инстинкты: есть, пить, гулять... да еще шевелится темный инстинкт широкой русской «вольницы» (не «воли»). Хочется взывать к милосердию. Но кто способен дать его сейчас России? (см. Национальный корпус русского языка). К мольбам о милосердии Божьим взывали священники Православной церкви в своих проповедях и обращениях к верующим.

Риски современной жизни, состояние «ценностной войны» требуют принятия конкретных мер противодействия.

Авторы исследования ценностной составляющей детской литературы в качестве противодействия проникновению антиценностей в сознание ребенка предлагается переходить к активным действиям и «создавать институты, которые будут поддерживать и поощрять авторов, создающих ценностно-ориентированные произведения детской литературы. Такой подход важен не только для литературы, но и для кино, музыки, театра и визуальных искусств», – утверждает в интервью (там же).

Представляется, что управление литературой и другими видами искусства через специально созданные институты, побуждение авторов, к созданию ценностно ориентированных произведений – это лишь один из возможных путей к утверждению традиционных ценностей, который содержит риск создания ангажированных произведений искусств.

Никандров помимо принятия разумных ограничительных мер, противодействующих «информационному загрязнению окружающей среды» и пропаганды разумной системы ценностей, укрепления патриотической направленности содержания образования, повышения качества и увеличения количества программ для детей и молодежи, которые

несли бы традиционные ценности, т.е. разумное, доброе, вечное, во главу угла ставит усиление гуманитарной составляющей в содержании образования.

Гуманитарная составляющая образования предполагает прежде всего формирование навыка интерпретации текстов.

Ребенок, осваивая окружающие его тексты, интерпретирует их с целью поиска смысла и ценностей, которые заложены в тексте и проявляются в новой социальной обстановке. Осуществляя эту герменевтическую работу, ребенок выступает как свободный толкователь. Но процессу свободной интерпретации должен предшествовать процесс толкования, разъяснения многослойности и ценностной многозначности текстов. Научить интерпретации текстов, как способу смыслообразования, т.е. поиска и создания смыслов, способу ориентирования в ценностном пространстве является одной из основных задач гуманизации образования.

Список литературы

Запесоцкий А.С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб, Наука. 2022. 528 с.).
https://vk.com/wall-170330544_327291).

Миронов В.В. Интерпретация как выражение гуманитарной сущности философии. // Вестник Моск. ун-та, Серия 22 Теория перевода, 2008, №1, с. 13–28.

Национальный корпус русского языка. <https://ruscorpora.ru>

Никандров Н.Д. Текст как средство формирования ценностных представлений учащихся. // Никандров Н.Д. Образование, ценности, социализация, Сб. научных статей. М. 2025, с. 239–253.

Это был 1922 год. Что происходило в стране ровно 100 лет назад.
https://dzen.ru/a/Yda_jc0MGGHdGPrO?ysclid=m9wnxza8mp559708911).